

ВИТАЛИЙ ПРОТОВ

ЖИЗНЕННЫЙ
ПУТЬ ЭМИЛИ
БРАУН

Часть сборника: Современная эротическая проза

Виталий Протов

Жизненный путь Эмили Браун

издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166789

Современная эротическая проза: Продолжение Жизни; 2004

ISBN 5-94730-044-3

Аннотация

«Карьера Эмили Браун в качестве надзирательницы женской тюрьмы в пригороде Нью-Йорка началась в тот год, когда президентом стал старина Айк. Теперь Айк, отсидев в президентском кресле два срока, собирался уходить, а Эмили была уже старшей надзирательницей с неплохими перспективами подняться еще на две-три ступеньки по служебной лестнице. Было ей всего двадцать восемь лет, и все еще казалось возможным – даже высокие карьерные взлеты. Правда, что касается личной жизни, то здесь Эмили особых иллюзий не питала, хотя и была привлекательной женщиной. Вот только несчастливой. Корни ее несчастной судьбы уходили в те годы, когда она была еще девочкой и жила с родителями в городке Уиллоуби, штат Вермонт.....»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Виталий Протов

Жизненный путь

Эмили Браун

Карьера Эмили Браун в качестве надзирательницы женской тюрьмы в пригороде Нью-Йорка началась в тот год, когда президентом стал старина Айк. Теперь Айк, отсидев в президентском кресле два срока, собирался уходить, а Эмили была уже старшей надзирательницей с неплохими перспективами подняться еще на две-три ступеньки по служебной лестнице. Было ей всего двадцать восемь лет, и все еще казалось возможным – даже высокие карьерные взлеты. Правда, что касается личной жизни, то здесь Эмили особых иллюзий не питала, хотя и была привлекательной женщиной. Вот только несчастливой. Корни ее несчастной судьбы уходили в те годы, когда она была еще девочкой и жила с родителями в городке Уиллоуби, штат Вермонт...

Она не любила вспоминать эту, теперь уже такую давнюю историю, но та время от времени напоминала о себе мучительными переживаниями, которые Эмили пыталась загнать глубже, глубже, чтобы они никогда не появлялись на поверхности. Она истязала себя физическими упражнениями и работой, но женщина в ней (или то, что было заложено в нее природой) давала о себе знать в последнее время все чаще,

особенно когда она ложилась в свою холодную постель и долго не могла уснуть, размышляя, вспоминая, томясь...

Родители ее были фермерами, а родилась она в тот год, когда сухой закон еще правил бал и великая депрессия только ждала твердой руки, каковой вскоре стала рука ФДР.¹ Она была совсем девчонкой, когда началась война, а когда солдаты возвращались домой, она еще оставалась гадким утенком – неуклюжим подростком, в котором, впрочем, человек проницательный мог бы разглядеть будущую красавицу.

Но она стала задумываться об этом, лишь когда ей исполнилось шестнадцать – природа не торопила ее. Многие соседские девчонки, ее ровесницы, уже хвастались победами над героями войны (впрочем, для большинства из них эти победы вскоре оборачивались поражениями), а она все еще носила свою невинность, не торопясь расставаться с ней, и не рвалась в этот взрослый мир, полный страстей и трагедий, которые нередко потрясали даже их маленький городок, где, как могло показаться со стороны, ничто и никогда не происходит.

Но, видимо, Бог берег ее до поры только для того, чтобы потом она испила до дна ту чашу, из которой большинство ее ровесниц начало пить задолго до нее. Когда она впервые почувствовала в себе эти желания? Когда они властно заявили о себе? Смешно сказать – ей было почти семнадцать, ко-

¹ ФДР – Франклин Делано Рузвельт

гда вдруг эта неодолимая сила сделала из тихой застенчивой девочки страстную ненасытную женщину. Нет, она еще год-полтора, по крайней мере, с медицинской точки зрения, оставалась девушкой, но при этом жила эмоциями зрелой женщины.

Она познала все отчаяние одиночества, научившего древней забаве ее пальцы, которые, подчиняясь природе, приносили ей временное облегчение. Она не задумывалась, хорошо или плохо то, что она делает, не изводила себя самобичеванием за это своеволие рук. Кому-то это могло бы показаться странным: ведь родители ее были людьми религиозными, воспитывавшими ее в строгости: на все вопросы, которые касались взаимоотношений мужчины и женщины, в их доме было наложено строгое табу. От родителей она и переняла некоторый аскетизм, отличавший ее и в более поздние годы. Может быть, за это она потом и заплатила такую высокую цену. Неосознанное ханжество родителей сделало ее заложницей той непреодолимой силы, которая в один прекрасный день дала о себе знать. Поначалу она старалась не обращать внимания на этот страстный зов (и речи не могло быть о том, чтобы прийти к матери и спросить, что же такое происходит с ней, попросить ее мудрого совета – мать, скорее всего, даже если бы и захотела ей помочь, не смогла бы это сделать по причине собственного невежества), но он становился все сильнее и сильнее, доводя ее до исступления, почти до безумия. Вот тогда-то она как-то раз, когда в доме

никого не было, заперлась в своей комнате и впервые сделала то, чего требовала ее изнемогающая от этой истомы женская природа.

Она никак не соотносила эту свою слабость с теми нравственными принципами, которые закладывали в нее родители. Высокие слова Библии в ее сознании не связывались с их жалким нищенским бытом, с низменными потребностями плоти. Она даже не отдавала себе отчета в том, что совершает грех, хотя, конечно, никого не посвящала в свою маленькую тайну, которая принесла ее грешному телу облегчение. Она, вероятно, не считала это грехом, как не считала грехом и то, что совершила чуть позже, потому что никак не могла представить себе, что гневные слова Бога, озвученные устами ее отца, могут иметь какое-то отношение к ней – неприметной девушке из маленького Богом забытого городка в штате Вермонт.

Она прожила в своем малом грехе около года, когда на ее пути оказался этот красивый парень из Ньюпорта, городка у самой границы с Канадой. Уж какая судьба занесла его в Уиллоуби знал, наверное, один черт, который подстерегал Эмили.

Это и в самом деле была судьба, потому что, едва увидев его, Эмили поняла, что перед ней – *он*, ее единственный, тот самый по которому тосковала она в своих сладких грезах. В нем, однако, не было ничего внешне примечательного и все, возможно, объяснялось довольно просто: в замкнутом

мире Уиллоуби, где все знали друг друга, где невесты, как и женихи, были наперечет, любой посторонний, даже если он явился бы в рогоже, мог показаться принцем из сказки.

Звали его Том Джонс (так, кажется, звали и героя одного старинного английского романа, который они проходили в школе), и был он не то чтобы хорош собой – он был уверен в себе. Всем своим видом он демонстрировал: он не сомневается в том, что ему принадлежит все, что он только пожелает взять, и это, вероятно, произвело на нее такое сильное впечатление, что уже через день она отдалась ему. Ньюпорт по сравнению с их заштатным Уиллоуби был большим городом, и этот парень из большого города покорила ее неопытное девичье сердце.

Это случилось в стоге сена в самом дальнем углу огромного поля, куда они пришли, словно бы гуляя, хотя каждый из них знал цель этой прогулки. Том – потому что хотел эту девушку, а для него собственные желания всегда были законом. Она – потому что предчувствовала, знала это, как знала и то, что отдастся ему со всей своей скрываемой до поры страстностью. Все, однако, было куда прозаичнее. Он кинул свою джинсовую куртку на сено и сделал ей приглашающий жест рукой. У нее замерло сердце. Она села, он плюхнулся рядом с ней и без лишних слов перешел к делу.

Она не знала – может быть, так оно и бывает, так оно и должно быть. Ее знание жизни ограничивалось несколькими прочитанными романами и рассказами немногочисленных

подружек, в которых (и в тех, и в других), как она чувствовала, жизнь была сильно приукрашена. Действительность оказалась грубее, хотя, может быть, именно эта грубость, какая-то звериная ритмичность и бессловесность (она видела, как иногда совокупаются большие кобели с маленькими сучками – хватают для надежности зубами за загривок и пристраиваются с хвоста) покорили ее. Его правая рука сразу же оказалась у нее под юбкой, а левая, несколько мгновений пошарив по груди, принялась помогать правой. Он, встав на колени, деловито стащил с нее трусики – сдернул с одной ноги и даже не стал утруждать себя тем, чтобы стащить со второй. Трусики зацепились за застежку на ее туфельке и так и остались висеть там. Потом он так же деловито забросил ей юбку на голову и лишь после этого расстегнул ширинку своих штанов. Она замерла в ожидании, пока он возился со своими пуговицами, потом ожидание закончилось, потому что в нее уткнулось теплое и твердое, пошарило по промежности и, найдя слабое место, ткнулось сильнее, сильнее, еще сильнее, а потом пронзило ее насквозь резкой болью, от которой она на секунду потеряла сознание. Она не привыкла к нежностям; синяки и царапины заживали на ней, как на собаке, а потому, придя в себя, она уже забыла о пережитой боли, она наслаждалась этим ритмичным движением, происходившим в ней. Она готова была кричать от какого-то странного чувства, сочетавшего в себе и боль, и наслаждение. Что там ее пальчики! Они не давали ей и десятой доли того, что

она испытывала теперь в эти оказавшиеся такими короткими мгновения. Так вот от чего сходили с ума ее подружки! Вот ради чего готовы они были убежать ночами из дому и терпеть унижения от своих любовников! Что ж, игра действительно стоила свеч. Когда ритмические движения сменились короткими сладострастными толчками, она не смогла сдерживать стоны. А когда ее наполнила горячая влага, она почувствовала, что совсем обессилила – несколько мгновений она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой.

Потом Джон потерял твердость и вышел из нее. Она сквозь застилавшую ее глаза пелену увидела, как он убирает в штаны свое мужское достоинство, а потом услышала его слова:

– А ты ничего... – Джон закурил сигарету. – Я тебя буду ждать завтра здесь в двенадцать. Не опаздывай.

Больше он не сказал ей ни слова. Вытащил из-под нее свою курточку и ушел, насвистывая, в сторону городка. Она полежала еще несколько минут, приходя в чувство, потом привела себя в порядок и тоже направилась в городок. Она даже не отдавала еще себе отчета в том, что в этот день рассталась с невинностью.

Она пришла на следующий день, и все повторилось. И опять унесло ее на крыльях страсти в заоблачные высоты, где пробыла она недолго, так недолго, что после двух-трех встреч с Томом стала настоящей рабой и этого заезжего покорителя женских сердец, и этого чувства, которое снова и

снова звало ее на край поля, где среди запахов скошенной травы она уже сама стягивала с себя трусики и без подсказки раскидывала пошире ноги.

Из всех ее женских прелестей его, казалось, не интересовало ничего, кроме того места, куда он деловито вгонял свой инструмент. Он ни разу не разделся, ни разу не попытался раздеть ее, чтобы их обнаженные тела могли коснуться друг друга. Если он и прикасался к ее груди, то только используя ее как удобную опору для рук (с таким же бесстрашием хватаются за поручни, чтобы сохранить равновесие). Ни разу их губы не сомкнулись в поцелуе – процедура соития у него была отработана раз и навсегда, и он не собирался ни на йоту отступать от нее. Ему нужно было только одно – выдавить в нее несколько капель своей семенной жидкости, после чего он сразу же поднимался и уходил, назначив время следующей встречи.

Ее природная застенчивость так и не позволила ей попросить его хоть раз не торопиться, дать ей возможность узнать тайну, волновавшую ее в последний год: что же эта за сила такая скрыта в мужских штанах – неодолимая, влекущая. Ей хотелось подержать эту тайну в руках, прикоснуться к этой похожей на грибную шляпку головке, которую она видела лишь мельком в том коротком промежутке времени, который требовался ему, чтобы донести свое извлеченное из штанов орудие до ее распахнутого лона.

Их отношения были до предела однообразны – встреча,

короткое, по-кроличьи, соединение, назначение нового свидания, ожидание и новая встреча. Во всяком случае, такой распорядок утвердился в ее жизни. Она не задумывалась, живет ли иначе он. Может быть, и живет – ведь он мужчина. И потом – это не ее дело. Ее дело, наверное, вот так ждать, потом распахивать ноги и получать свою порцию счастья. И она была счастлива. Это продолжалось месяц. Когда пошел второй месяц их знакомства, она почувствовала, как что-то изменилось в ней. Нельзя сказать, что она была совсем невеждой. Конечно, она знала, откуда берутся дети, и в общих чертах представляла, как это происходит. Все дело было в том, что она никогда не примеряла эти знания к себе. Так же как не относилась на свой счет все те предписания, которые любил повторять ее отец: не укради, не прелюбодействуй... Нет, это не имело к ней никакого отношения.

Сначала она не могла понять, что изменилось в ней, но вот когда второй месяц закончился, она поняла, в чем дело: у нее пропали месячные, или «круви», как говорила ее мать. Сначала она даже не задумалась о том, что это может значить, но по мере того, как в ее организме стали происходить и другие изменения, она (пока еще без ужаса), наконец, примерила к себе те знания, которые успела накопить за свою жизнь. И тут она поняла, что эти знания, как ни странно, очень даже относятся к ней. Она на всякий случай поговорила еще с подружкой, и та подтвердила ее подозрения.

Во время их очередной встречи, когда Том привычным

движением убрал в штаны то, что стало причиной ее нынешнего положения, и собрался было уходить, как всегда, даже не дождавшись, когда она приведет себя в порядок, она вдруг замирающим от волнения голосом окликнула его:

– Том?

Он удивленно посмотрел на нее. До этого дня прерогатива начинать разговор принадлежала только ему. Что это могло заставить девчонку нарушить не ими заведенный порядок? Он ничего не ответил, только, закурив сигарету, не стал уходить, давая тем самым ей понять, что снисходит до нее. Он готов ее выслушать. И тогда она без лишних слов напрямик спросила:

– Ты женишься на мне?

На его лице появилась самодовольная ухмылка. Вот оно, значит, что. Ему уже приходилось слышать в той или иной форме это вопрос – иногда в заискивающей, иногда в требовательной. Но никогда еще не слышал он его в такой вот отрешенной – вопрос этот был задан без всякой интонации (ей удалось справиться со своим голосом).

– Ты того, да? С чего это вдруг? Ты получила удовольствие, я получил удовольствие. Мы квиты. И потом, ты могла бы и догадаться, что я не стану жениться на шлюхе. Моей женой должна стать чистая девушка. – Рот его расплылся до ушей. – Раньше думать нужно было.

Она больше не стала задерживаться на этом вопросе и перешла к следующему. Впрочем, следующий был не вопрос.

Теперь у нее на очереди было короткое заявление всего из двух слов, которое было призвано даже не то чтобы повлиять на его отношение к ее вопросу, а просто проинформировать его (ведь, в конечном счете, она носила ребенка, который был и его ребенком).

– Я беременна.

Улыбка сползла с его лица.

– Ты мне это брось. Я-то тут причем? Нагуляла ребенка, а я должен расхлебывать? Нет уж! Так у нас не бывает.

Больше он не стал тратить слова – повернулся и пошел, не назначив ей следующего свидания. А она все еще не понимала, что ее постигла катастрофа, которая изменит всю ее жизнь. Он ушел из ее жизни навсегда – это стало ей ясно по его решительной и торопливой походке. Сердце у нее оборвалось, она чувствовала себя самой несчастной из женщин, но ей даже и в голову не приходило задаться вопросом: как же она могла полюбить такое ничтожество, почему не раскусила его в первую минуту знакомства? Она не склонна была искать виноватых в случившемся – ни тогда, ни потом.

Она, как и все, страшилась перемен, и если бы ей кто-нибудь сказал, что не пройдет и двух месяцев, как она проститсся с родным Уиллоуби и станет бездомной бродяжкой, она, наверное, ужаснулась бы. Но пока она знала только, что ее роман завершился и у нее будет ребенок.

Она не стала ничего предпринимать. Сделала она это не из-за боязни принимать решения, просто она не представля-

ла, как ей следует поступить. Она была права: жизнь все сама расставила на свои места, и не известно, было бы лучше, если бы она, Эмили, надумала подправлять ход событий, которыми распоряжалась сама судьба.

Следующий месяц был, может быть, самым спокойным в ее жизни. Она, как ни странно, не ощущала отсутствия Тома, как не ощущала больше потребности усладить свое лоно. Оно получило свое и, насытившись, готовилось теперь к исполнению возложенного на него природой долга – служить продолжению рода человеческого.

Пока еще по ней нельзя было сказать, что она носит ребенка. Но вдруг она стала ловить себя на том, что останавливается, словно прислушиваясь к тому, что происходит в ней. Слабенькие еще толчки, будто кто-то мягкой лапкой прикасался к ней изнутри. Еще неделя – и эти прикосновения стали сильнее, настойчивее.

Мать обратила внимание на ее странное поведение, но, еще не придав им значения, сказала:

– Ты что, девка? Смотри у меня!

Смотреть ей оставалось совсем недолго, потому что еще недели через две живот у нее округлился, и это тотчас заметила мать, которая, будь она немного более наблюдательной, обратила бы внимание и на другие признаки, и тогда грех дочери открылся бы немного раньше. Грех? Эмили уже была

близка к тому, чтобы вслед за родителями именно так определить то, что с ней случилось...

– Эмили, Эмили, что с тобой? – без особого, впрочем, испуга вопрошала мать, наклонившись над дочерью, когда та вдруг, направляясь с ведром картошки на кухню, осела, тихо охнув, и распласталась на унавоженной курами земле их двора. – Что с тобой, Эмили?

Румянец через полминуты вернулся на лицо Эмили, но покинул лицо ее матери, которая вдруг впилась взглядом в ее чуть припухлые губы, в ее – как же это она заметила только сейчас! – отеки на руках. – Ты?... Ты!.. Ты что же это? Да ты никак?... Ах ты, сучка! Дрянь!

Ее мать, в которой текла кровь английских квакеров, была непримиримой пуританкой и, поняв, в чем дело, она ни минуты не сомневалась в том, что суд и расправа должны быть скорыми. Собственно и суда никакого не предполагалось, потому что наказание было известно заранее. Неожиданным случившееся было разве что для Эмили, виновницы всего этого скандала, – она хоть и была воспитана в этом семействе, но оказалась белой вороной, не только преступившей непреложный закон, но еще и не предполагавшей последствий своего преступления.

Отец был не так многословен, как мать. Дочь услышала от него одно только слово:

– Сука!

За этим словом последовал удар кулаком в лицо – удар

пришелся сбоку в челюсть и нанесен был крепкой рукой, такой же тяжелой, как и тяжелый фермерский труд. Она упала и потеряла сознание.

У нее случился выкидыш, и два дня она пролежала пластом, хотя и была от природы сильной во всех отношениях. Может быть, именно поэтому через два дня она была на ногах, и преодолевая слабость физическую и душевную, начала собираться в дорогу. Помимо того единственного слова, которое сказал отец, перед тем как ударить ее, она на следующий день, еще лежа в постели, услышала родительское напутствие.

– У нас больше нет дочери. Чтобы ноги твоей здесь не было.

Еще к ней заглянула мать, у которой тоже не нашлось для дочери никаких других слов, кроме слов проклятия и осуждения. Правда, мать принесла ей выкроенные из скудного бюджета сто долларов как свидетельство того, что дочь все же пробуждает у нее не только ненависть. С деньгами в доме расставались тяжело не только потому, что их всегда не хватало – деньги были еще и неким божеством, которому молились и которое из дома без крайней необходимости старались не выпускать. К тому же сто долларов были большими деньгами. Целым состоянием. Так что родители могли считать, что свой долг перед неблагодарной дочерью исполнили.

А неблагодарная дочь, собрав свои пожитки, которые уместились в небольшой дорожной сумке, отправилась на авто-

бусную станцию, где купила билет до Нью-Йорка.

Почему она выбрала этот город? У нее не было там ни родственников, ни знакомых. Выбор объяснялся просто. «Нью-Йорк – имперский город», – нередко слышала она от учителей в школе, и хотя не очень хорошо понимала, что это такое, но не сомневалась: такое название просто так не дается. Значит, есть в этом городе что-то необычное, отличающее его от других. Она обманулась этим мифом, как и миллионы других девушек до нее, приехавших в этот город за призраком счастья – кто-то из них через несколько лет обретал семью и благополучно проживал жизнь в этом городе или вне его, кто-то погибал в самом начале своего пути. Но каждая из них, ступая на землю этого города, думала, что вот уж ей-то уготована необыкновенная судьба, но вскоре иллюзии рассеивались, а борьба за существование забирала их красоту и лучшие годы.

Но Эмили отправилась в Нью-Йорк не за призрачной птицей счастья и не потому, что безотчетно осознавала: возможностей там у нее будет больше. Она ехала в большой город, где никто никогда не узнает о ее позоре (теперь она уже расценивала случившееся с ней как позор), где она сможет потеряться как песчинка среди других таких же песчинок, приехавших, может быть, чтобы скрыть позор еще больший, чем ее.

Потерю ребенка она восприняла так, будто это случилось не с ней. Не было у нее к этому никакого отношения – ни

горя не чувствовала она, ни радости. Несмотря на то что она готова была стать матерью, она не представляла себя в этой роли, а потому и не чувствовала никакой утраты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.